

Роман Апитов

УЖЕ ЗДЕСЬ

16+

Роман Алимов

Уже здесь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68288701

SelfPub; 2022

Аннотация

Две души мучаются от безысходности и серости. Симпатичная девушка в порхающем платье, мечтает о шампанском на побережье, о бизнесе, старается отомстить мнимым врагам. Уродливая женщина, что тратит все силы, а видит только шпалы, рабочий молот и комнату в общежитии, борется с обидами и несправедливостью судьбы. Мистика кружит рядом, создавая условия для начала конца. Чем эти женщины заслужили беспросветную темень и как стали похожи друг на друга?

Содержание

Год	6
Полгода	7
Три месяца	12
Два месяца	15
Месяц	31
Неделя	38
День спустя вечность	39
Жизнь	43
Час начала	51

Роман Алимов

Уже здесь

«Искушение в уме и сердце страшнее всех внешних искушений. Никто так не опасен для нас, как мы сами»

Святитель Игнатий Брянчанинов

Рассвет затянуло серостью, днем обильно поливало, а к вечеру влага осела на рыхлую землю, утомившись за день. Торопливый и чавкающий звук в яме не останавливался ни на мгновение. Раз за разом стремительно вылетали оттуда земляные комья, порхая сквозь луч тусклого фонаря, что светил из месива. Рядом с ямой, ожидали своей участи, торчащие из тележки аккуратные женские ступни. Пальцы на этих ногах отдавали легкой синевой, но зато, на перламутровом педикюре разместились элегантная ящерица в самом центре ноготков. Она словно пыталась ускользнуть от мокрой непогоды, в свой мир, где жарило солнце и обдавало зноем.

«Целое произведение! Не жалеют ведь сил!» – процедила бледная женщина, втыкая лопату в земляную кашницу. Закурила и запрокинув голову, выдохнула, пытаясь добраться клубком белого смрада до самых верхушек деревьев:

– «Зачем мне эта силушка, да без отдыха! Как говорит-

ся...и почил в день седьмый от всех дел!»

Лопата за лопатой, швыряла она в небо все лишнее, сбитое с земляных стен. Удовлетворившись необходимой глубиной, суетливо принялась вываливать в яму тело.

Пока закапывала, назойливо вертелись голоса в голове, словно из радио, напевали об отважных путешественниках, вечной любви. От них становилось не по себе, но выключить музыку в мыслях у нее никогда не получалось, поэтому женщина продолжала свою нехитрую работу.

Год

Утро начиналось обнадеживающе. Со стаканчиком кофе шагала Наташа по знакомой улице напрямиком на работу. Солнце приятно ласкало плечи, встречный паренек подмигнул и даже игриво улыбнулся, обернувшись вслед стройной девушке в порхающем желтом платье с крупными ромашками. Захотелось ответить тем же, но как-то не вовремя зазвонил телефон в сумочке.

– И кому я понадобилась?! – роясь на ходу бубнила девушка.

– Аа-ле... Ой! Тань... бегу изо всех сил, скоро буду... что-о-о... клиентка хочет сменить мастера? Уже лечу! Десять минут и я на месте! Извиняюсь, не по моей вине опаздываю! Ало-о-о! Как... уволена? Как не приходите больше? Тань... але, але, Танечка?!

Гудки прервали беседу.

– Во-от ведь, стерва! – только и произнесла Наташа, остановившись посередине перекрестка и пытаясь понять, что же теперь делать.

Полгода

Слез хватило почти на полгода, а запасов денег итого меньше. Но, искать новую работу принялась сразу. Хотя со временем стало понятно, что устроиться в крошечном городке по той же специальности практически невозможно. В двух салонах свободных мест не оказалось, а в оставшийся третий – дорога была теперь закрыта, после регулярных ссор с хозяйкой.

Обдумав все «за и против», Наташка решилась попытаться счастья и воплотить давнюю мечту – открыть собственное дело и работать в удовольствие. Половину суммы, конечно, пришлось выпросить в долг у Ашота – хозяина фруктового ларька, которому целый час пришлось мило улыбаться, хлопать наклеенными ресницами и обещать скорый возврат денег. Недостающую часть суммы стащила из секретного места – под шкафом, куда пожилая мать складывала скудные остатки пенсии.

В тот же день поздним вечером, возвращалась она из областного центра на последнем автобусе, с тяжелой сумкой новенького инструмента.

На облезлой лестничной площадке, к привычному аромату старой штукатурки, теперь добавился резкий, обволакивающий запах валерьянки, что тянул из квартиры. А уже спустя час, после возвращения Наташки домой, на тесной кух-

не, гремел очередной скандал.

Глубокой ночью, под огни машины скорой помощи, санитары на носилках, тащили бледную старушку сквозь узкий проем подъездных дверей. Старуха стонала и все хваталась за грудь, невнятно пытаясь рассказать зевакам, что, это она – ее дочь, оскорбила пожилую пенсионерку, ограбила и довела до приступа.

Теперь, впервые за многие годы, Наташка засыпала в полном одиночестве. До самого утра, вместо сна, мельтешили в глазах образы умирающей матери, затем золотозубого Ашота, что тянулся к ней пышными усами. Ближе к утру, во сне, разъяренная хозяйка салона красоты гналась за Наташкой, и хотела ее укусить, словно настоящий вурдалак. Сны почему-то не задевали ее сердце, они проплывали мимо, как утренний туман над загородным прудом, за которым она в юности любила наблюдать из окна. Тот пруд она очень любила. Часто они вместе с кем-то добрым и хорошим, кого она не могла во сне вспомнить, просыпались затемно и уходили на рыбалку, до самого обеда. Затем тот человек умер и началась совсем другая жизнь, наедине с матерью.

Ранним утром в меру отдохнувшая, отправилась девушка, осуществлять свой тщательно продуманный план.

Для успешного бизнеса остро требовались клиенты, но найти их в небольшом городке довольно сложное дело, потребовалось бы время и затраты. А деньги на существование требовались уже сейчас, поэтому решила идти к своей ста-

рой работе, в салон. План этот появился почти сразу, после увольнения, поэтому времени на проработку деталей было достаточно.

На дверях салона все еще висел красный замок, что был куплен год назад в столице, когда хозяйка ездила на конференцию по развитию бизнеса. Наташка остановилась в нескольких десятках метров от входа и принялась отслеживать прохожих, почти как охотник, который ждет добычу, что вот-вот появится на горизонте.

В 9:00 прошла хозяйка и открыла двери, почти сразу за ней проскользнула парикмахер – Катя, затем уборщица Мария Ивановна с Дашкой-маникюршей плелись под ручку, видимо, еще сонные. Никто не обращал внимания на Наташу, что топталась на противоположной стороне дороги. Да и не ждали ее больше. За многочисленные прогулы, опоздания и небрежное отношение к клиентам, хозяйка, давно грозилась ее уволить, а в этот раз, видимо, не вытерпела и решилась.

«Вот и моя первая цель! Ее то нужно не упустить!» – молодая охотница на клиентов, уверенно направилась к машине на парковке, почти рядом с салоном.

Внутри автомобиля копошилась пожилая женщина с бурыми щеками и тонкой, торчащей вверх косичкой, и что-то искала в недрах сумки.

Наташа постучала в стекло и включила милую, широченную улыбку, которой умело пользовалась в случаях общения с нужными людьми:

– Татьяна, доброе утречко! Как добрались?

Краснощекая мадам, похожая на спелую вишню, обернулась и медленно опустила стекло:

– Спасибо! У меня все хорошо. Что это вы здесь? Не в салоне? Новый сервис? – улыбнулась женщина.

– Конечно! Только для особо важных клиентов! – засмеялась Наташа, – я от себя лично, хочу предложить вам бесплатный нейл-арт и вечную скидку в 50%! Теперь я буду работать только на дому, поэтому жду вас как постоянную клиентку, вот адрес, – протянула свежую визитку в открытое окно.

– Интересно, интересно, а в среду сможете меня принять, ближе к обеду? – удивленно приподняла тонкие полоски бровей Мадам Вишенка.

– Конечно! Я свободна... – задумалась на секунду, какое бы время выдумать, – м-м-м к двум часам, – выпалила начинающая охотница.

– Договорились, Наташенька, ну тогда, не буду заходить в салон, поеду дальше, до встречи!

Наташа улыбнулась и подняв руку, пошевелила слегка пальцами на прощанье:

– «Одна есть!»

В конце улицы показалась другая постоянная клиентка, с острыми и всегда красными ушами. С ней была проведена точно такая же беседа и сделано выгодное предложение. Затем третья, совсем юная девушка, тоже была отважена от

дверей салона, куда направлялась. Наташа трудилась до обеда, не покидая места, на котором водился жирный улов, и где напрасно ожидали своих постоянных клиентов сотрудницы.

На случай телефонного звонка с рецепшна Наташа просила отказываться от записи или не поднимать трубку, на что они соглашались, услышав об огромной скидке, правда, две дамы, все же ушли из расставленной сети начинающей конкурентки, но улов и без них получился значительным. За несколько часов Наташа обеспечила себя заказами на пару недель вперед. Да, пришлось предлагать колоссальные скидки и почти вся работа на эти две недели, предстояла теперь за копейки, но разрушительная месть, обиженной педикюрши, оказалась страшной.

Три месяца

Целую неделю Наташка ходила к своему старому месту работы, переманивать клиентов, пока чуть не попалась. Дело, наверное, дошло бы до драки с пышногрудой хозяйкой салона красоты, но случай спас ее от неприятностей.

Стояла она под вечер на своем месте для выуживания любительниц сэкономить. Рабочий день подходил к окончанию, уже зажглись уличные фонари. Вдалеке, по аллее прогуливалась девушка, с крупной черной собакой. Еще издали Наташка распознала в стройной фигуре, свою щедрую клиентку, что регулярно оплачивала Наташкины произведения в виде корабликов, сердечек и причудливых цветов, на своих длинных ноготках.

Охотница спешно направилась к ней, в надежде одарить ее привлекательным предложением. Приблизившись на расстояние десяти шагов, замерла. В сумерках сложно просматривались детали, но, не заметить рогов на крупном, лохматом питомце стало невозможно.

«Что же это за зверюга? Или я перетрудилась слегка, и мне уже пора на отдых...»

Подойдя ближе, оказалось совершенно точно, что никакая это вовсе не собака, а самый обыкновенный козел, правда, полностью черный, как тушь для ресниц, и мохнатый словно шуба, о которой так давно мечтала Наташка.

– Катенька, добрый вечер! А я смотрю, вы это или нет, с таким Чудом-юдом вас и не узнать, – пыталась наполнить себя позитивной смешливостью Наташа.

Девушка лениво подняла глаза и посмотрела из-под лба:

– А-а, Наталья?! Что это вы здесь? Я к вам не записана в ближайшее время...

– Нет, нет, я по другому вопросу! Хочу вам предложить кое-что. Вам понравится!

Наташа решила приблизиться, даже протянула руку с визиткой, но козел резко наклонился, тряхнул бородкой и краем рога толкнул Наташку, отчего она неловко шагнула назад и оступившись грохнулась на спину, а затем покати-лась, прямиком в небольшой ров, который, как назло, оказа-лся сзади. В этот самый момент открылась дверь в сало-не красоты и хозяйка, собираясь домой принялась закрывать замок, искоса поглядывая на девушку с козлом и совсем не обращая внимания на странные звуки изо рва.

– Эмитти, прекрати! Плохой мальчик! Не обижайтесь, он гулять не любит, мы с ним большую часть года загородом живем, а сейчас оставить его не с кем, поэтому я его здесь выгуливаю, из парка как раз возвращаемся, – звонко произ-несла девушка в темноту рва, наблюдая несуразное падение Наташки.

– Ничего, я понимаю... – ответила Наташа, отряхиваясь от песка и веток, – а что же он, у вас в квартире живет? – добавила, поглядывая на трясущего бородой, питомца.

– Да. Временами. Он покладистый, почти как кот, только характер любит показать, – ответила девушка.

«Удивительно. Про домашних змей я слыхала, о птицах и говорящих воронах, и даже о модных теперь поросятах на поводке тоже знаю, но козел!» – подумала Наташа, перелезая назад через крохотное ограждение рва.

Козел поднял морду и задержал взгляд на ноге Наташки, где кровоточила крупная ссадина. Животное потянулось к ней, пробуя схватить за край кофты, хозяйка никак не отреагировала, спокойно придерживая за поводок, и рогатый затряс головой от возмущения.

Наташа совсем забыла о своем бизнесе, о клиентке, рассматривая необычное животное, пока не очнулась от вопроса.

– Наташенька, вы что-то хотели предложить?

Девушка вздрогнула и не сводя взгляда с рогов, полезла в сумочку за визиткой:

– Здесь все написано, приходите, буду вас ждать, – затем, не отрывая взгляда от рогов Эмитти, добавила, – жду вас, обязательно! Вдвоем!

Животное потянуло хозяйку дальше, в сумрак, и девушка торопливо последовала за поводком.

– У богатых свои причуды! – вздохнула Наташа, нащупав в кармане монетки, оставшиеся на проезд домой.

Два месяца

Под проливным дождем стояла она у кованых ворот, громкий сигнал домофона резко отдавал в уши, словно вкладывая гостье мысль:

– «Сама, сама, пришла! Теперь жди и мокни! Пока не посчитают нужным отворить! Твое дело маленькое – грязь под ногтями!»

После нескончаемых гудков послышался знакомый голос. Не отвечая монологу в динамике, молча уставилась в крохотную камеру, ожидая, когда включится моторчик, и калитка откроется.

– Егор Павлович, это ко мне, педикюрша. Пропустите, пожалуйста, я сейчас в большом доме, пусть туда идет. Спасибо, – послышался молодой женский голос.

Под строгий взгляд охранника вошла за калитку. Мимо будки с цепной собакой, вдоль двухэтажного гаража. Кивнула узкоглазому садовнику, что укрывал клумбу от потоков воды.

«Хм, форма новенькая, да еще и с фамильным гербом! И не жалко денег?! А у метро сейчас бомжи голодают!» – поежилась и вошла в дом.

Поднялась по ступенькам черного входа, сняла пальто и хлопнула себя по щекам, чтобы не казаться кислой. Натренированным движением мышц натянула улыбку и прищури-

ла уголки глаз.

– Марина-а-а... можно?

– Да, конечно, Наташенька, я жду, входите, входите, – слышалось из-за двери.

Вкатила сумку на колесиках в каминную комнату, позвякивая инструментами.

За столом уютно устроилась молодая женщина. В ажурной пижаме, поджав ногу на стуле, пила чай.

– Добрый день, еще раз! Расплылась в улыбке Наташа, – разглядывая клиентку.

– Присаживайтесь Наташа! Чай, кофе?

– Благодарю, от чая не откажусь, погода ужасная, продрогла до костей, – педикюрша присела на краешек стула и провела взглядом по предмету своей профессии:

«Здесь и заниматься-то нечем! Видать, мастера решила сменить... – затем перевела взгляд с открытых тапочек хозяйки на ухоженное лицо, – Да-а... старость ее не догонит, над лицом тоже неплохо работают».

– У вас что-то произошло? – настороженно всматривалась в Наташу, хозяйка дома.

Педикюрша вспомнила о вялой улыбке и снова натянула уголки губ:

– Нет, нет... все прекрасно! Что будем сегодня делать? Вы говорили, требуется что-то необычное?

– Наташенька, я улетаю на отдых и хочется, конечно, чего-то экзотического, но аккуратного – улыбнулась Марина.

– Так, сейчас, сейчас... могу предложить, например, «Золотой френч», художественная роспись и закончим массажем. Выберите по каталогу, а я пока разложусь, – ответила Наташа, выкладывая содержимое из сумки.

Неспешно пролистав каталог, хозяйка выбрала пейзаж с небольшим домиком и пальмами на фоне моря, и приступили к работе.

Остановившись на зеленой листе рисунка, рука вздрогнула от шороха ковра за спиной. Вошла прислуга и включила музыку на проигрывателе. Хозяйка вытянулась в кресле и закрыла глаза.

Мысли у Наташки не унимались:

«И как ее угораздило замуж выйти за такого! Чем остальные хуже? Я, например?! Да, ничем! Сидела бы сейчас в этом кресле, а она мне пальмы рисовала... эх-х, и отчего в мире такая несправедливость?!»

Хозяйка открыла глаза от громкого вздоха Наташи.

– Не спорьте даже! Расскажите, у вас неприятности? Может, быть я чем-то смогу помочь? Ну, не бойтесь вы. Если что, мы Сережу подключим, он не откажет... Что с вами Наташенька? – вопросительно посмотрела на педикюршу хозяйка дома.

«Чем ты мне сможешь помочь лахудра расфуфыренная?! Ну... давай, поменяемся местами! Что на это твой Сереженька скажет, небось, охранников за мной вдогонку спустит своих...» – подумала Наташа, но ответила:

– Мариночка, все отлично! Сейчас приступим к массажу, я уже на финише. А вот и дождь заканчивается! – поглядела за окно и застыла. В гостевом домике напротив, открылась дверь и показался тот самый черный козел. Животное устало стояло прямо на Наташку и быстро зашевелило губами. Затем рогатый питомец тряхнул головой, взбрыкивая, спрыгнул со ступенек и потянул за собой садовника в сторону полянки, по мокрому газону.

Наташа ощутила в груди невероятную тяжесть, странные мысли словно опускались на дно сердца одно за другим. Вот, глаза в глаза пронзил осуждающий взгляд соседки по площадке, что стояла у могилы матери, когда ее хоронили. Вот уходит Ашот, с морщинистым прищуром и мерзкой улыбкой под усами, нагло оглядывается на Наташку, а она лежит с подтеками туши и синяками на ногах, неестественно распластанная, на серозном постельном белье...

– Наташа! Наташенька... вам срочно нужна передышка! Давайте-ка, продолжим в другой день, я попрошу водителя, вас отвезут домой. В следующий раз сделаем, что задумали. Собирайтесь и отдохните, выспитесь. На вас лица нет! – хозяйка встала и озабоченно принялась звонить по телефону.

Наташа пришла в чувство лишь от плавного толчка, сидя уже в сухом и теплом автомобиле. Свинцовое облако, вытягивающее из души воспоминания, ушло и сделалось легче. Машина остановилась у подъезда и девушка, передвигая ватными ногами, поволокла сумку за собой, совсем забыв

закрывать дверь машины.

На кухонном столе все еще валялась пустая солонка, которую в момент сердечного приступа опрокинула мать. Все эти месяцы Наташка словно боялась поставить ее на место и наполнить содержимым, не решилась и в этот раз. Дойти до кровати не удалось, в комнате резко потемнело, а стены закружились, приглашая на танец покосившийся сервант с треснувшим стеклом и вертящуюся люстру, с мошками в плафонах.

Очнулась в комнате, в потертом тряпичном кресле. На стене, как всегда, мерцали желтые тени, отражаясь от светового за окном. Мысли шевелились, пытаюсь разобраться:

«Еще ночь... когда я уснула... что идет не так? И почему так мерзко?»

Взглянула на часы. Стрелка подергивалась, пытаюсь сдвинуться с места, но, видимо, ей тоже не хватало той энергии, что помогает жить. Несколько попыток, и она окончательно обессилела, замерев на отметке 2:57.

Желтые тени вспыхивали раз за разом на выцветших обоях, создавая диковинные рисунки, затем снова исчезали на мгновения. Подняла руку и глядя на тень от пальцев, прошептала:

– Во-от я есть, а во-от меня нет... я есть, меня нет... есть, нет...

«Может зря я это затеяла... с бизнесом, мстью... Меня ведь за дело уволили... или нет? Разве я не имею права на

лучшую жизнь? Ну и что, если в грязи вываляюсь, зато будет, по-моему. Да! Все правильно, нужно прогрызть путь, а от распущенных нюнь лучше не станет, да и кому я нужна».

Закрыла глаза, слезы покатались, не спрашивая разрешения.

«Ненавижу этих матрешек, милашек с ровными носами, богатых мамаш, содержанок и ногти их проклятые терпеть не могу. Никто не хочет понять, да и не смогут – как тяжело одной, сколько сил нужно, если нет ни денег, ни любви. Не смогут они спуститься из своих вилл и коттеджей, в эту безнадегу и нюхнуть жизни. Мать только и делала, что за волосы хватала, чуть что. Да ремнем по спине».

Комок жалости накручивался вместе со вздохами и подергиванием груди.

Синий рассвет проник в комнату, желтое мерцание постепенно растворилось. Уставшая от мучительной ночи, девушка принялась готовиться к приему первой клиентки. Прибралась на кухне, вымыла посуду, вкрутила новые лампочки в люстру.

В 10:00 позвонили в дверь. На пороге с сигаретой в пальцах и ореолом дыма над тонкой косичкой, стояла Мадам Вишенка. Налитые щеки ее, как и раньше, сияли бордовым оттенком, а морковная помада усиливала ужас от массивной фигуры.

– Наташа! Что же вы меня заманили в эти трущобы? Если бы не знала, какой вы мастер, ни за что не поехала, – входя

в квартиру, хриплым голосом произнесла женщина.

– Разбогатею и открою свой салон, а пока... как видите, – вздохнула Наташа, – проходите на кухню, я все подготовила.

Рассматривая квартиру, Вишенка прошла в комнату, осмотрелась и отправилась дальше. Заметив взгляд хозяйки на грязных туфлях, выпустила кольцо дыма и произнесла:

– Прямо с дачи к вам, ничего, что не разубаюсь? С вечера решили на речку сходить, так спину свело – не разогнуть-ся. Если можно вы сами?! – не дожидаясь ответа, уселась за стол.

Наташа не подала виду, но внутри загорелось:

«Хотела Натали свой бизнес?! Скоро будешь ботинки начищать до блеска у щекастых господ. Проучить бы ее, чтобы научилась уважать! Ничего, справедливость обязательно наступит, придет и мое времечко! Станешь мне ноги мыть».

Наташка никогда не понимала, как медсестры ухаживают за лежачими. Один только запах или вид тяжелобольного вызывал неприязнь, а уж заниматься ванночками и протиранием спиртом, чужих ног, она никогда и не думала. Но, жизнь привела ее именно к мастеру по педикюру, у которого она и училась делать то, чем всегда брезговала. В ее сердце жила тяга к болезненной честности и завершению начатого. Когда она видела, что коллега, Катя, не убрала место после клиента, и ушла на обед, Наташка обязательно донимала ее перед уходом, пока та не сдастся. Однажды она заметила, как к соседке из второго подъезда, явился ухажер с

шикарной охапкой роз. Такие розы в городке продавались в небольшом цветочном киоске в центре или же были срезаны с клумбы, возле старого кинотеатра. Пришлось ей бежать в киоск, а затем в центр города, проверять целостность клумбы. Подозрения оправдались. На клумбе почти ничего не осталось. И, конечно же, через час под подъездом соседки жужжал уазик с цифрами 02 на дверях, а девица с ухажером, под аромат букета, подписывали протокол у себя в квартире.

Вишенка сидела с закрытыми глазами, поэтому улыбку можно было, пока не натягивать, а побыстрее отработать и выпроводить клиентку. Массаж шел к завершению, оставалось только нарисовать яркие завитушки.

– Вам милочка нужно место сменить! Квартира не лучший вариант для этого бизнеса. Да и на скидках вы долго не продержитесь! – не открывая глаз, произнесла Мадам Вишенка.

– Вы правы, к тому и стремлюсь, но для этого нужны средства, которых пока нет, надеюсь, заработать постепенно! – не отрываясь от работы, ответила Наташа.

– Я бы вам помогла, но сейчас не лучший момент! Зато я знаю одного человека, кто мог бы заинтересоваться. Разумеется, в качестве инвестиции, своего рода партнер.

Наташа замерла и захлопала ресницами, не ожидая от судьбы такого подарка:

– Я была бы счастлива!

– Тогда приходите сегодня к девяти ко мне, вы же знаете

адрес? В центре, дом у фонтана, – оживилась Вишенка, – у нас девичник намечается, поболтаем-погадаем, как раз будет нужный вам человек.

– Договорились, обязательно буду. Вот и моя работа окончена. Посмотрите, как вам?

Вишенка вытянула ноги и выглянула из-за живота:

– Мило, мило... но вы сегодня не старались как раньше! Давайте так... сейчас вы работу в долг выполнили, а я обещаю со своей стороны оказать вам содействие в инвестициях.

Наташа попробовала возразить, но не нашла чтобы такого ответить, да и не хотелось ссориться. Но подумала:

«Вот стерва-а... не оплатить работу-у-у, ну и ну! Попробуй теперь не поспособствовать с моим салоном, в серную кислоту посажу, ножки твои кривые размягчать!»

Но, ответила:

– Конечно, конечно. Я все понимаю, приходите, буду рада! Сегодня обязательно забегу!

Наташа ждала вечера, как новогоднюю ночь, только вместо подарков, ее мысли светились о надежде, на изменения в жизни, на лучшее. Из автобуса вышла у фонтана, легко нашла табличку нужного дома. На пороге встречала хозяйка, Наташка чуть не прыснула со смеху, разглядывая ее. Шелковый халат рябил сочными, красноватыми вишнями, что обтекали всю поверхность ткани.

– Наташенька пришла! Рада гостям с прекрасным настро-

ением! – поприветствовала Мадам Вишенка.

– Не обращайтесь внимания, это нервное, – попыталась оправдаться Наташка, проглатывая смех.

Разделась и прошла вслед за хозяйкой в комнату. Там царил мрак. По сопению, шуршанию одежды и шевелящимся образам, стало понятно, что в центре комнаты, видимо, вокруг стола, сидят как минимум двое или даже трое. Хозяйка провела гостью и усадила на стул.

Наступила тишина, шорох утих, затем что-то начало происходить, прямо у Наташки за спиной, как будто открыли окно, за которым ощущался сильный мороз, потянуло сквозняком, хотя на улице стояла еще теплая погода.

Наташка начала сомневаться, не зря ли она сюда пришла, и подумала: «Куда я попала... новый тип гадания на кондиционере? Кому выдует прическу в форме суженого? Зачем они его включили? Жары нет, так глядишь и простужусь».

Сквозняк усилился, а за спиной кто-то начал тихо мычать, затем мычание подхватил второй голос и в унисон третий.

«Так! Наверное, лучший момент, чтобы смыться, пока меня не узнали в темноте. Я у мычащих буду помощи в бизнесе просить? Город у нас маленький, потом не отмоешься. Кто их знает, чего задумали» – и тихо начала вставать, направляясь в сторону, откуда ее привели, и как только сделала первый шаг, мычание оборвалось, а за спиной зазвучал слог спокойного мужского голоса, от которого Наташка оцепенела:

Я в ожидании томился
До зова вашего и вот
Из недр Шеола вновь явился
Вещает дух, бормочет скот
Спешу послание донести
Князь мира, лжи отец и мрака
Доволен делом, шлет вам весть
План выполнен, кипит в душе клоака
Туман гаданий, небытия призывы
Все мелочи в сравнении с порывом
Что тянут душу в бездну мук
Попалась жертва, треснул сук
Сработал замысел, отменно
Осквернена душа до края, до границ
Ждет нижний круг, ступень Геены
Наталию хвалит Черный Принц.
Очнется ото сна – молчите
Пусть думает, что все еще жива
Когда исполнит замысел – снимите
С очей ее, дурные покрывала.

Сладкий голос закашлялся и в комнате появился неприятный запах, похожий на аммиак.

– Наташенька, можешь повернуться, – прозвучал голос Вишенки.

Девушка обнаружила, что сидит с закрытыми глазами, тут же подняла веки. Перед ней стояла стена, обклеенная зелеными обоями с множеством милых котиков, что отдавали

желтым светом, почти как у нее дома, от ночного светофора, только за спиной сейчас шевелился свет огня. Неприятное чувство заполнило грудь, она медленно обернулась и застыла от увиденного.

Вокруг стола сидели трое: мадам Вишня, Марина, и хозяйка салона, в котором раньше трудилась Наташка. Три дамы не моргая смотрели на ошарашенную девушку и улыбались. Но, самое удивительное, что никакого мужчины с приятным голосом в комнате не было, зато вместо него, прямо по центру стола лежал Эмитти – тот самый черный козел. Животное свесило копыта по краям стола и в упор глядело на гостью.

Комната почти сразу начала темнеть, Марина встала и торопливо подошла, вплотную, заглядывая в глаза Наташке, губы ее шевелились, но вместо слов лился поток протяжного гула... понемногу веки опустились, а звук и вовсе пропал.

В тревожном сне, ей привиделась старая железная дорога, люди в оранжевых жилетах, что кричали на нее и бранились. А она никак не могла узнать свои нежные ручки, они стали почему-то жесткими и мускулистыми от работы.

Очнулась от резкого запаха нашатырного спирта, открыла глаза и постаралась отвернуться. Перед ней стояла Вишенка и махала ваткой.

– Что ж ты такая пугливая, только свет выключили, девичник начался, а ты в обморок?! – улыбнулась мадам.

– Покрова... Принц... треснул сук, – бормотала Наташа.

– О-о да тут нашатырем не обойдешься, Мариночка принесите чего покрепче. Там на полочке у меня, – обернулась мадам, указывая на шкафчик.

Наташке поднесли чашку, она проглотила и откашливаясь выдохнула:

– Кхе, кхе-е-е, что это такое еще?!

– Настоячка! Сама летом собирала, как раз для таких случаев, нервишки лечит неплохо, – ответила Вишенка, усаживаясь на стул рядом.

В глазах прояснилось, Наташа огляделась, сидела она не в комнате, а посреди небольшой кухни.

– А где козел?

– Какой еще козел? – обернулась Марина.

– Черный и рогатый. Разве это не он сейчас стихи читал в темноте? – насторожилась Наташа.

Марина удивленно поглядела на Вишенку и улыбнулась.

– Говорила я вам, пора отдохнуть! Не послушались меня, Наташенька, – качала головой девушка.

– Вы хотите сказать, что Эмитти мне привиделся... и хозяйка салона тоже? – удивилась девушка.

– Причем здесь Эмитти? Он здесь, все прекрасно. Не волнуйтесь моя хорошая. Эмиттат, Эмик, ко мне! – крикнула в сторону комнаты Марина.

Через мгновение на кухне показалась острая, черная морда с лохматыми ушами и кудрявой шерстью, но это был совсем не козел, а крупный пудель.

Пес уселся напротив и стал разглядывать Наташку, а та взглянула на Вишенку, затем на Марину и округлив глаза тоже уставилась на пуделиную морду.

– И э-это Эмитт-ик?! Вы меня дурой считаете?

Схватившись за голову, Наташа побежала в коридор, спешно оделась и вылетела на улицу. Воздуха не хватало, голова побаливала, а внутри сделалось так мерзко, что хотелось бросится под машину, чтобы прекратить одним махом эту муку.

Облокотившись о дерево, стояла и жадно дышала. За спиной послышался голос Марины:

– Что же вы нас так резко покинули, у меня к вам деловое предложение. Пойдемте-ка назад, успокойтесь, все постепенно наладится...

Пока поднимались в квартиру, Марина рассказывала о предложении, о том, что у нее есть подходящее помещение с очень низкой стоимостью аренды, как раз для салона. Слова как будто кружили вокруг Наташи, приземлялись на плечи и вползали в уши, а мысли скручивались в клубок и вязли внутри головы.

– Наташенька, так вы согласны принять мое предложение? – двигала по столу бумагу Марина, – я даже договор с собой прихватила, посмотрите.

Наташа провела взглядом по диагонали, не вчитываясь в текст:

– Я подпишу!

Марина принесла диковинную ручку с перьями на конце, и Наташа поставила неряшливую закорючку на последней странице.

– Вот и славненько, завтра с утра и приступим, приходите ко мне, все вопросы уладим, – засовывала договор в папку Марина.

– Больше мы вас не будем задерживать, как-нибудь в другой раз погадаем, когда со здоровьем наладится, так ведь Наташенька? – стояла у входа в кухню Вишенка.

Наташа снова прошла в коридор, там сидел Эмиттик, обнюхивая воздух.

В мыслях все еще стоял туман, не обращая внимания на пуделя, вышла на площадку, спустилась на улицу и попыталась вдохнуть, но почему-то нашатырь не улетучивался. По дороге домой не встретила ни одного прохожего, лишь пару шевелящихся теней в кустах. В квартире уже мерцал желтый отблеск на стене, не стала включать свет, отправившись сразу же в ванную, ощущение нечистоты не покидало ее с самого входа в квартиру Вишенки.

Разделась и встала под душ, закрыла глаза, по волосам стекали теплые струйки, снимая неприязнь к этой странной квартире, к ее хозяйке и непонятному животному.

«Что это было? Не могла же я спать, когда видела козла, тогда на улице! Но почему они врут... Откуда взялся пудель и откуда эти навязчивые обрывки...

Осквернена душа до края...

Ждет... ступень Геенны
... Черный Принц».

Открыла глаза и провела пальцами по руке, и сразу же сердце словно замерло, а капли воды, как будто замедлили свое падение.

На светлой коже запястья, стройными буквами с элегантными завитушками, ровно лежала надпись – «Мертвым нечего гадать».

Месяц

Что было тем вечером Наташа так и не смогла вспомнить, мысли постепенно пришли к плавному движению, как и раньше. За это время она успела устроить небольшой бизнес в новом помещении. Плата за него была настолько незначительна, что казалось, Марина хочет не участия в деле, своими инвестициями, а занимается благотворительностью. Клиентов значительно прибавилось и можно было подумывать уже о наемном персонале.

За время работы, Наташа так и не смогла понять, зачем обеспеченной женщине, у которой есть шикарный дом с прислугой, муж со связями и несколько автомобилей в гараже, заниматься всякими Наташками безродными.

Однажды она принесла бумаги в дом к Марине. Как всегда, ворота открыл охранник, оказалось, что хозяйки нет дома и гостья уселась на подвесной скамье, совсем рядом с садовником, который занимался газоном.

Болтала ногами, вспоминала, как посетила этот дом в первый раз тогда, под дождем. Вспомнились ужасные чувства, смешанную обиду с гордыней и жалостью, когда стояла под ливнем у калитки, как ей поплохело от вида Эмиттика, что смотрел сквозь окно. Сейчас, в воспоминании он не казался рогатым, а скорее черным и кудрявым. Внушила она себе или правда так и было, она не помнила, да и неважно это.

Жизнь налаживается, почему бы, просто не расслабиться, сидя и покачивая вперед-назад босоножками.

Садовник косился, стараясь вовремя спрятать взгляд. Наташа улыбнулась и принялась еще сильнее раскачиваться.

– Вот, вы, наверное, давно работаете здесь? Скажите... чем у Марины муж занимается? – покачивая совсем спавшую туфельку на кончике пальца.

Садовник обвел ее взглядом и угрюмо ответил:

– Он мне не сообщает, а я не интересуюсь.

Затем взял метлу и стал выгребать листья прямо под качелью, на которой порхала девушка.

– Знаю, лишь, что он с Эмиттатом попеременно здесь. То один, то другой, никогда их вместе не встречал, уж сколько я годков на этом месте. Ни разу... та-ак-то, дамочка!

Затем положил метлу, встал ровно и оголил золотой зуб в кривоватой улыбке:

– А вы что ж, мужа подыскиваете? У нас имеется! Надежный. И не пропадает месяцами!

Наташка остановила подвесную скамейку, надела обувь и косо глянув на грязь под ногтями, у скалящегося рабочего, ответила:

– Не ищу я никого, да и если бы искала, точно не здесь!

Резко отвернулась и всматриваясь в никуда вспомнила, как пару лет назад, ей уже предлагали замуж, но предложение даже не рассматривала, скромный жених был не ее уровня, не тот, о ком мечтала. Ей хотелось обеспеченной

жизни, чтобы шампанское на побережье, чтобы кабриолет по серпантину, ну в крайнем случае ребенок, но обязательно с нянькой. А жених шпалоукладчик и комната в общежитии не входили в ее планы. Что-то внутри неприятно шевельнулось, и Наташка решила опередить приближающийся приступ самосожаления, что роем поднимался над ней, начиная жалить, со всех сторон.

Встала и подошла к садовнику:

– А что?! Была не была! Где ваш «Надежный»?

Садовник перестал улыбаться и растерявшись уставился на девушку.

– Да я так. Шутка. Сын у меня, только вот, не все с ним...

Рой уже жалил в полную силу, поэтому нужно было что-то предпринимать и Наташа, пытаясь не зареветь от нахлынувших воспоминаний, ответила:

– Пойдем, пойдем, познакомишь, все равно сижу без толку.

Садовник опешил и бросив перчатки на газон, развернулся в сторону домика для прислуги.

Они пересекли коридор домика, добравшись до самого конца. Садовник отворил незапертую дверь. Квартира казалась неуютной, неопрятной. Правда, дом, видимо, был новым и отдавал еще запахи дерева, краски и бетона, поэтому беспорядок выглядел естественным. Вот только почему-то серость обволакивала все внутри, возможно из-за кустов, что торчали прямо за окном, или высокий черный шкаф съедал

весь свет. Но захотелось назад, на улицу, чтобы снова игриво болтать ножками на качели и не думать.

– Я сейчас, вы пока... – торопливо проговорил садовник, указывая на кровать рукой, приглашая Наташку присесть.

Наташа села, а хозяин квартиры сразу же вышел и закрыл дверь, шурша замком с обратной стороны.

– Э-э-м, вы там ненадолго, мне хозяевам бумаги нужно... – вытянув шею громко произнесла девушка.

Рассматривать квартиру не хотелось, правда, она заметила, что мысли отступили и уже пропало желание выть и рвать сердце, поэтому она, облокотившись о спинку, закинула ногу за ногу и поправила короткую юбку, против которой часто возмущалась ее мать.

Внезапно, за стеной послышался гул или рычание, а затем резко ударили несколько раз, быстро, быстро. Наташа дрогнула и сжалась от неожиданности. Стук усилился, и она поняла, что стучат внутри шкафа. Затем шум утих в одно мгновение, лишь скрип от двери медленно пролетел по комнате. Наташа оцепенела, и пытаясь что-то сказать промычала.

За окном зашевелились ветки. В тених, что падали, от листьев на шкаф Наташа рассмотрела силуэт человека.

Мычание, шло от фигуры, что медленно выползала в комнату из дверцы.

– Э-эй садовни-и-к, что у вас здесь, вы гд-е-е?! – тихо прохрипела девушка, потеряв голос. Дернувшись, обернулась в сторону окна, за которым, в тени кустов поблескивал золо-

той зуб, с кривой улыбкой. Садовник одобрительно качал головой. Дыхание ее ускорилося, глаза округлились от ужаса, ладони стали мокрыми, обдало холодом как из ледяной проруби. Повернувшись к шкафу, она обнаружила прямо перед собой крупное и чудовищное создание, что разглядывало ее вплотную.

Это был человек, но удивительно высокого роста, почти такой же, как тот шкаф, что занимал полкомнаты, и точно такого же цвета. На существе лохматились волосы. Нет, это были не волосы, а настоящая шерсть, как у дикого, непричесанного животного, которого никогда не касалась машинка профессионального грумера. Одежда животному была вовсе без надобности, плотный слой черной шерсти покрывал всю кожу, лишь глаза и красноватый рот несколько проглядывали из-под зарослей.

Создание тихо мычало и сопело.

– Бежать, – мелькнула готовая мысль.

Не успела она шевельнуться, как существо схватило ее, разорвав блузку, и с легкостью швырнуло девушку на пол. Больно ударившись плечом, поднялась на колени, страх взорвался, парализовав тело, ноги совсем не слушались, руки отказались подчиняться, и Наташка снова шлепнулась лицом на новенький и гладкий ламинат, завыв от острой боли в переносице.

Волна гусиной кожи поползла вверх, покалывая от тяжелой шерсти лодыжки, бедра, спину. Нитями, прокатилось по

затылку вязкое дыхание, стекая к лицу. От смрада и тяжести, что почти расплющила ее, закружилась голова, совсем как в тот день, у гадалщиц и Наташа, не выдержав, отключилась.

Темнота. Сквозь закрытые веки слегка проступает свет, но глаза страшно открыть. Пришла в себя и ощутила, что сидит. Плечо совсем не болело, ощупала одежду – целехонькая. Распахнула ресницы.

Рядом возился садовник, занимаясь кустом. Слегка качалась подвесная скамейка, на которой сидела Наташа, и обдало ветерком. Не оборачиваясь, бросив бумаги, стремительно рванула к воротам, к выходу. Неслась по траве босиком, по гальке, газону, через камни и парковку, выскочила за ворота и не обращая внимания на возглас охранника, понеслась в сторону остановки.

Добралась до квартиры и разрыдалась, усевшись за запертой дверью. Сердце терзалось, душа мучилась от произошедшего, но Наташка не могла понять, как она оказалась снова на скамейке, почему ее тело предательски скрыло произошедшее.

Пытаясь прийти в норму, добралась до ванной. Вода всегда помогала ей снять накопившиеся мысли, эмоции, что приклеились за день, так получилось и сейчас. Холодные струи, сбиваясь в ручейки, уносили за собой испуг и страх, капля за каплей стекали ужас и обида.

«А может, привиделось, может я уснула, на скамейке? – мысли окутывали, создавая новые вопросы, – А что, ес-

ли меня чем-то напоили, накололи...подсыпали... хотя нет. Рваная одежда снова стала целой? Неужели бывают такие сны... Но, что, если это гипноз, внушение? Почему нос снова цел...»

Проводя рукой, ощутила на животе незнакомый выступ на коже, мутными от воды глазами всмотрелась и сердце снова забилося, в такт пулемета, что только приступил к поражению цели.

На коже, грубыми рисками с выступающим, давно зажившим рубцом разместился мастерски выполненный шрам. Не веря глазам, Наташа ощупывала искусный разрез надвое.

– Но... этого не может быть. Как... рубцы? Да им уже год наверно, но откуда?! – вернувшись в комнату, душу опять придавило словно рельсой. Наташа уселась в старое кресло, уставившись в золотистое, мигающее пятно на стене, что приходило вместе с темнотой.

Неделя

Работать совсем не хотелось, слез не оставалось, есть не получалось. За прошедшие дни Наташка истощилась и потеряла силы, не выходила на улицу. Клиенты словно чувствовали, никто за неделю не позвонил, не пришел. От безделья сидела и рисовала на ногтях, что приходило в голову. За последний год Наташа привыкла работать под настольный фонарь, чтобы не пропустить вечернее включение, уличного светофора. Тот свет стал ее товарищем, она ждала огонек как старого приятеля, который приходит всегда, вне зависимости от настроения и обстоятельств. Но сегодня, впервые с наступлением сумерек, свет не заиграл на стене. Выходить боялась, но хотелось обязательно выяснить, что случилось и почему нет привычного мерцания.

Вышла в подъезд, спустилась на улицу и обойдя соседские пристройки, что хаотично стояли одна над другой, оглядываясь, подошла к своему окну. Развернулась в сторону перекрестка и молча, без эмоций, наблюдала за пустой дорогой. Не двигаясь и не моргая, простояла там несколько минут, и с мертвым выражением на лице направилась назад в квартиру.

На дороге совсем не было светофора, не было и ямы от него и даже места, где он мог бы раньше стоять.

День спустя вечность

Свет больше не приходил. Несколько вечеров подряд она выглядывала в окно, не появился ли тот самый, желтый огонек напротив. А за стеклом нависала лишь теснота соседских пристроек и балконов с захламленными окошками, бесконечными велосипедами, горшками и бельем. Наташа вспоминала мерцание с необъяснимой теплотой в сердце. Как такое возможно, она не понимала и сейчас, но хотелось вернуть его, сделать все, чтобы он снова грел и успокаивал молчаливым присутствием.

Набравшись сил, с первыми сумерками, истощенная, вышла снова из подъезда, в надежде выяснить у соседей, куда же пропал тот светофор. Улица, как назло опустела, редкие машины торопились по своим делам. Из пристройки, почти рядом с ее окном, вышла старуха с котом на поводке. Наташа сразу же направилась к ней.

– Извините, я стою и жду как раз вас!

Кот зашипел от неожиданности и изогнулся дугой, как будто это не Наташка подошла к нему, а привидение.

– Тихо, тихо Мальчик, спокойно... – натянула поводок старушка, не обращая на Наташку внимания.

– Вы не знаете случайно, на этом месте должен быть светофор. Он вечерами моргал, но сейчас от него нет даже места, где он мог бы стоять, – Наташка выговорила это, пони-

мая, что несет страшную белиберду, но душа требовала.

Старуха глянула на девицу из-подо лба и прищурившись ответила нехотя:

– Мальчик, смотри-ка, это ж надо, до чего молодежь дошла, ты посмотри на нее, наркоманка что ли? Светофоры ей мерещатся, тьфу.

– Но как же! Ведь прямо на этом месте! Каждый вечер свет... мерцал у меня на стене в комнате, – огорчилась Наташа.

– В голове у тебя шприцы мерцают! Никогда на этом месте ничего не стояло, я здесь почти с рождения проживаю. Иди ко мне Мальчик, – поднимая кота, что пытался рыться в опрокинутом мусорном бачке, – единственный свет, что всех здесь доконал, это свечки или что у нее там, – старуха выругалась и закашлялась, – кхе-е, кхе-е... лампадки, дурехи-молитвенницы старой, из нашего подъезда. Вот они как раз в твоё окно и глядели. Не одной тебе мешали, из вашего подъезда многие жаловались, а ей хоть бы что.

– И где же она теперь, эта бабушка? – спросила осторожно Наташа.

– Где, где. Забрали ее отсель, в другое место, – старуха показала согнутым пальцем вверх и добавила, – откуда не возвращаются. Затянула посильнее поводок на шее кота, отчего тот захрипел, и плавно направилась в сторону покосившейся надписи «Поликлиника».

Наташа вернулась домой, подъезд с выбитой лампочкой,

комната и полная тишина создали внутри нее еще большее отвращение, состояние ее не изменилось даже от таблетки успокоительного. Стали мерещиться по углам черные тени. Взгляд поплыл по комнате, остановившись в центре зеркала. За ним сидела она, Наташка, измученная, постаревшая. От былой красоты остались лишь легкие очертания. Смотреть на себя не хотелось, да и что-то мешало, темные пятна кружили в зеркальном отражении, голова подрагивала.

Она решила выпить препарат сильнее первого, после которого, стена начала мутнеть. Сердце не успокаивалось, вялость нарастала, голова наполнялась свинцом. В сером углу комнаты выросли очертания огромного пуделя, он был почему-то с рогами и колючей шерстью и молча стоял усмехаясь.

Наташа решилась принять таблетки горстью, не понимая, что делает. Зрение затухало, а существо приближалось. С каждым шагом оно плавно преобразовываясь, во что-то похожее на человека. Под закрывающиеся веки девушка увидела высокого мужчину с сияющей белозубой улыбкой.

Зрение совсем уснуло, и последнее, что, Наташка ощутила, это лоск и жесткость костлявых пальцев на щеке и слова:
– Ты моя! Давно моя...

...

Спустя вечность, глаза вновь открылись. Она обнаружила, что, сидит под зонтиком в уличной кафе. На столике ожидал стаканчик, наполненный, горячим, ароматным кофе. Края новенького платья развивались от ветерка, помахивая

ромашками проходим. Встречные улыбаются симпатичной девушке. Кто-то одобрительно качал головой, другие указывали рукой в сторону маникюрного салона. Жизнь словно начиналась заново.

ЖИЗНЬ

Между каплями проливного дождя, раз за разом, искрой взрывался звонкий стук на фоне шипящего радио, что пыталось подпевать. Шел он из-за тележки у старых рельсов. Крупный человек в оранжевом жилете, медленно, почти без усилий взбрасывал тяжелый молот, и тот падал, вниз на металлический путевой костыль, вбивая огромный гвоздь своим весом.

За морозящей дымкой послышался окрик:

– Натаха, зака-анчивай! Домой пора!

Человек разогнул широкий жилет во всю спину и поправляя края платочка, ответил:

– Куда торопиться? Полчаса еще. Доделаю, сама вернусь.

В ответ прилетело:

– Э-э правильная ты наша. Пахай, пахай, мы до дому.

Женщина смахнула влагу с искореженной шрамом, расщелине губ и провожая взглядом автобус, снова принялась за дело.

Работала она без рукавиц, пальцы огрубели от летнего солнца, морозных дней, осенних ветров, а жесткие черты лица уже совсем не показывали колебания души. Потому, вбивая костыль за костылем, никто не смог бы обнаружить, что внутри ее. Как кипит она сейчас, словно водогрейный котел в вагоне поезда. Дышит гневом от несправедливости, от

несоразмерной оплаты за работу, за то, что ей нужно будет топтать километры, по полю, в такую погоду. А ведь она тоже хочет, как они, трястись по ухабинам в теплом автобусе, хочет день зарплаты и праздничный стол, мечтает о семье и тихой радости.

Переступать через правила, через обостренное чувство справедливости, Натаха не умела с детства. Еще в детском доме, когда группа уходила с урока, она оставалась одна, выполняя все задание до победного конца, за что ее хвалили воспитатели. Через годы, когда в училище ее обидно обзывали, она терпела. Но как только дело касалось обиды другого, слабого, тут же ввязывалась в драку или выяснение отношений. Впрочем, во всех таких случаях ее выручало крепкое, совсем не девичье телосложение. Неприятности слагались в общую кипу внутри нее, ожидая момента и тлея понемногу. Родителей своих Наташа не видела, знала лишь, что мать умерла в лагерях и вела не самую праведную жизнь. Друзей у девочки никогда получалось приобрести, дети не водились с «заячьей губой», да и молчать она умела, но лишь снаружи.

Однажды, пышногрудая приятельница-лаборантка из вагонного депо, пригласила Наташу в кино, обещая познакомиться с «кое-кем». Там, у кассы, случилась ее первая, настоящая встреча с парнем. Хотя на макушке «парня» уже поблескивала плешь, а скрупулезность с экономностью показали ей тогда, незначимыми, впрочем, как и его внимание. Но, ведь ухажер купил ей билет, пусть и самый дешевый, и

с ней случилось настоящее свидание. Целую неделю после, не могла она спокойно уснуть, мысли заполняли тревожной теплотой. Не зная, как себя поставить, что делать и говорить в таких случаях, Наташа даже к гадалке сходила. Только кофейная гуща показала кипу новых неприятностей. А еще через неделю, она узнала, что знакомство ее состоялось лишь по той причине, что тот самый «кое-кто» не имел места, где жить и прописаться, и по совету общих знакомых решил претендовать на руку и сердце владелицы комнаты в общежитии, что выдало государство сироте. Так, Наташа связала свою судьбу с человеком. Жизнь налаживалась, а время замерло.

«Кто без греха? Можно и промолчать, а вдруг у нас получится?» – часто размышляла, возвращаясь домой.

Одни зимним днем, когда отпустили с работы пораньше, застала она в своей комнате ту самую, пышногрудую. Последовала, драка, шум, фингалы и порванная одежда. Полуголая приятельница, выбегающая на мороз, разбитые стекла с вылетающим чемоданом, все это было, все Наташа поняла. Глубоко в душе начертила себе запрет на доверие, на искренность к людям, но не смогла, как обычно, задавить обиду.

После переживаний, с рыданием и одиночеством, решила мстить. Обоим, всему миру, самому небу!

Годы тянулись, на работу она ходила как ни в чем не бывало. В депо, сторонилась от двери с надписью Лаборатория, где среди склянок и химических реактивов обитала нена-

вистная разлучница.

От безделья научилась Наташа курить и вечерами, слушать местные сплетни старух на скамейке. Привыкнув к ней, старухи попросили помочь, отнести передачку, болящей подруге, что жила на окраине. Давненько не делала она добра, потому согласилась без лишних вопросов.

На следующий же вечер, с полной сумкой продуктов прибыла Наташа к ветхому деревянному крыльцу, и облезлой краской на ставнях.

Постучалась трижды в покосившуюся от старости дверь, никто не ответил. Выждав немного, снова постучалась и вновь прислушалась к тишине. За окошком колыхнулась занавеска и показалась аккуратная седая голова в сияющем чистотой платочке.

– Сейчас, подождите, иду, иду, – глухо послышалось из-за окна.

После долгих шаркающих звуков, дверь отворилась. За порогом стояла низенькая, худая старушонка, халат ее облепили вышивки с котами, прыгающие за клубком, валяющиеся на спине, играющие и спящие. Лицо же ее хорошо сохранилось и морщины лишь слегка намекали на почтенный возраст. А больше глаза под толстыми линзами очков приветливо улыбались.

– Добрый день, я с передачкой к вам, от... – оттарабанила Наташа.

Старушка перебила:

– Знаю, знаю, проходи милая, проходи.

Наташа протиснулась в домик, склонив голову под узким входом. Что-то сразу потеплело в ней от доброго и ласкового приветствия.

В комнатке лилось тихое мурлыканье кота на печи, над столом висела картина с рекой, разноцветный половичек вел в дальнюю комнатку, из которой выглядывала стена, увешенная большими и маленькими иконами.

Наташка уселась за стол и принялась выкладывать содержимое сумки, крупы, хлеб, яблоки, что купила сегодня на рынке.

– Слава Богу, помогают люди, спаси их Христос! Сама я теперь и до магазина не дойду, а про огород уж и молчу – старушка поставила чашки с горячим чаем и уселась напротив, разглядывая гостью.

Выложив гостинцы, Наташка, не зная о чем спросить, молча принялась потягивать ароматный травяной кипяток.

– Одну историю я тебе сейчас расскажу, но ты милая вспомни ее, если сможешь, в нужный момент.

– Жил на земле человек, и имел много всего. Жилье небольшое, но собственное, работу неплохую, силу имел большую, да и честность великую, даже болезнь получил, что не каждому дается. Но, все хотел большего. Тянулся к вредному для души, роптал, жаловался на свою силищу, мешала она ему, хотел как все, слабым стать. О работе мечтал полегче и покрасивее, да и болезнь надоела ужас как. Обижался

тот человек на всех, даже на самого Бога. А не знал, что будь у него другая жизнь, испортился бы. Погубил и свою душу, и других. Не работай он так тяжело, тратил бы силушку на зло. Денег дай ему побольше? Превратился бы в скрягу. Красоты добавить чуток и болезнь убрать? Блудил бы как последний. Потому и оставил ему Господь лишь тягу к честности да справедливости. Но и здесь с умом нужен подход! В какие условия поставлен в тех и живи, пока не увидишь, что пода-на свыше, причина для изменения этих обстоятельств.

Так-то Наташенька, такой был тот человек. – старушка склонила голову.

– Не поменялся бы, попал прямиком в преисподнюю, а ведь для его души все условия были созданы, нужно лишь идти по расстеленной дорожке и потерпеть.

– Наташа смотрела в упор на опущенные глаза старушки. Она что-то недоговаривала или стеснялась рассказать всю историю целиком:

– А что бабушка, разве преисподняя есть?

– Есть милая, у многих она уже здесь, в сердце, – ответила бабушка, и добавила, – по краю ходим. Сами не знаем, как опасно, – и покачала головой, не поднимая глаз.

– И что же там? В котлах варят народ? Как в сказках? – Наташка перекосила шрам на губе в попытке ухмыльнуться.

Бабушка посмотрела ей в глаза и ответила:

– У каждого своя мука. Один продавец. Привык других обсчитывать, обвешивать, – поглядела на стол, – Да вот, как

эти яблочки. Ты купила, а не знаешь, что их должно быть, на два больше. Вот он со своей привычкой так и перейдет туда. Будет мучиться, жить воспоминаниями, не понимая, что перешел в вечность, а когда умер сам не знает. Желание обмануть у него не отнимут, ведь Бог не нарушает воли души, а только усилятся его желания. Будет прокручивать он сам в себе, каждый обман, мелкие и крупные свои аферы. И самое главное, не поймет, что давно мертв. Впрочем, умер душой он еще здесь, на земле, лишь тело ходило на рынок, принимало пищу, творило безобразия. Так и мы, если не исправимся, тоже будем, словно во сне, в страстях. Ведь сами вредим себе. Одна завидует, другая ищет денег, отмщения или блуда, там и будет то же самое творить. А обитатели преисподней ей в этом обязательно помогут, создадут условия, как и здесь помогали, да провоцировали, чтобы побольше из нее страданий вытянуть.

Наташкину улыбку скривило, и она не смогла продолжать беседовать глаза в глаза. Уткнувшись в пол, дрожащим голосом спросила:

– А какими мы будем?

– Не самое это важное, конечно. Душа может отличаться от тела, ведь и Христа не узнали, когда тот воскрес. Я вот, например, может буду высокой и полной, а ты, наоборот, кто знает?

На печке фыркнул кот во сне, и старушка глянула в окошко:

– Пора мне милая на молитву, уж вечереет. Ты заходи ко мне, я тебе всегда рада.

Наташа встала и попрощавшись вышла на улицу. На ясном небе светила луна. Девушка обернулась и увидела, что старушка перекрестила ее, улыбнулась и закрыла дверь. Выходя за калитку, вновь обернулась и заметила, как в дальней комнатке, на подоконнике горела лампадка. Ручеек воздуха из окошка ласкал огонек и тот отражался от стекла мерцающим желтым светом.

Домой шла с легкостью, которую давно не ощущала. Неожиданно для себя, помогла застрявшему в дверях автобуса, мужичку, что косо на нее поглядел.

Засыпала как в детстве, когда в редкие дни воспитатель детдома рассказывал группе сказку и становилось хорошо и уютно.

Внезапно пришла мысль:

«А ведь я не говорила ей, как меня звать! Откуда бабуся узнала имя?!»

Час начала

Утром топала на работу в том же настроении. По дороге купила конфет, угостить народ в обеденный перерыв.

В женской раздевалке, как всегда, стоял гул, обсуждались последние новости, личная жизнь начальства, ожидаемые отпуска и дети.

Слух зацепился за свое имя.

– «Натаха-то наша, совсем поглупела ух-ха-ха! Я ведь ей ухажера подсунула, чтобы комнату отнять, а она «ни бум-бум». Мы уже бумажки оформлять начали, скоро на новоселе всех позову! Ух гульнем! А вчера знаете, что мне почта-льон в лабораторию принес? Письмо, ха-ха! Папаша ее обнаружился, письмо прислал. Видите ли, приглашает к себе. Заграницей проживает, не мог ее разыскать. Ха-а-а! Я, то письмо сожгла, пусть и не думает себе сбежать! Кто нам план выполнять будет, как не эта безродная?!

Наташа медленно вышла из-за шкафчиков, где громко хотала та самая пышногрудая – лаборантка, она натягивала на себя одежду и сотрясалась от злорадства. У окна молча стояли девушки, смотрели, то на нее, то на Наташку, ожидая, что же будет. У приоткрытых шкафчиков занимались своими делами женщины постарше. Кто-то улыбался, другие покачали одобрительно головой.

Не проронив ни слова, Наташа молча переделалась и вы-

шла на воздух. Легкость и теплоту залило жаром гнева и тревоги. Зрение замылилось, а мысли сверлили до острой боли. Она немного постояла, набрала побольше воздуха и проглотив горечь отправилась работать. День прошел под облаком мыслей. К вечеру долго отмывалась от них в общем душе, затем тянула время с переодеванием и лишь когда все разошлись, отправилась в лабораторию. Набрала полную сумку, наугад, склянок и банок с жидкостями и порошками, с противным запахом и яркими цветами.

Спустя час добралась до квартиры пышногрудой и позвонила дважды в звонок. Открыл «плешивый».

Не спрашивая разрешения, вошла, оттолкнув его как перышко.

– Где она? – монотонно произнесла Наташа.

– Ты это, не хулигань, а то сейчас вызову! – ответил «плешивый».

– Где она? – схватила его за шиворот Наташа.

– Я откуда знаю, должна была к маникюрше, или как ее... педикюрше пойти... сегодня же зарплата, – испуганно пробормотал мужичек.

Выбравшись на улицу, Наташка заметила на скамейке ее. Та сидела с двумя мужиками, закинув ногу на ногу, и хохотала, как обычно.

– Идем, разговор есть, – строго окинув взглядом ее и собеседников, проронила Наташка.

– О! Здравсьте! Никуда я с тобой не пойду, нужен мне твой

разговор, ответила лаборантка.

Наташка раскрыла сумку и вытащила пару склянок:

– Имущество государственное разбазариваешь?!

Ноги пышногрудой покрылись мурашками, и вместо хохота из горла полился кашель:

– Ты что ж делаешь, негодная! Да я тебя...кхе, кхе-е...

Наташа молча направилась в сторону густого пролеска за домами, а за ней почти бегом последовала она, с безостановочным кашлем.

Зайдя поглубже в зелень, Наташка обернулась и не ожидая, крепко схватила женщину за волосы.

– Вот тебе за ухажера, – Наташка вытащила склянку с сильней жидкостью и сквозь зубы принялась заливать в кашляющее горло противницы.

– Вот тебе за комнату! – с силой разжала ей зубы и засыпала какого-то порошка, что резко отдал запах серы.

– Получай за работу! – затолкнула пальцами еще порошка, заливая красноватой жидкостью.

– Это тебе за сплетни, – вперемешку с битым стеклом запихивала она остатки вязкой жижи.

– А теперь за моего папу! – стала бить ее по лицу, что было сил. Сознание ее совсем помутнело и что происходила, она перестала понимать. Противница упала и застонала от боли. Толстый сук проколол спину, разорвав ее блузку. Наташка не унималась, продолжая свое дело.

Отошла от приступа она лишь на пеньке. Тихо шевели-

лись деревья, обдавало ветерком. Долго сидела и думала. Затем направилась за трансформаторную будку и вытащила из-за нее припрятанную рабочую тележку. С легкостью погрузила в нее тело и покатила в сторону пустыря. Начинался дождь.

Лопата пригодилась. Земля вылетала вверх, раз за разом, пока горка от ямы не выросла до нужных размеров. Схватив тело, бросила его вглубь мокрой грязи. Последний бросок земли пришелся как раз на свежий рисунок на ногте – аккуратно выполненную ящерицу, ярко-зеленого цвета.

Домой добралась вымокшая, в грязи с ног до головы. Долго отмывалась. Надела новое, желтое платье в ромашках. Выпила чашку кофе и уселась в старое кресло, напротив сумки со склянками. Голова лопалась от болей, а руки трясло. Мысли опустели, осталась лишь одна – та самая история, что рассказывала старушка.

Пытаясь отогнать свой единственный помысел, принялась глотать и пить, не разбирая, склянку за склянкой, порошок вперемешку со слизью из банок.

Спустя час, испуганная душа переступала границу тела, которую не могла нащупать всю свою жизнь.

«Ад невозможно сделать привлекательным, поэтому дьявол делает привлекательной дорогу туда»

Святитель Василий Великий